

УДК 81'23

БЛЕСК И НИЩЕТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ¹

Эдуард Владимирович Будаев

доцент кафедры иностранных языков

Нижнетагильской государственной педагогической академии

622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57. aedw@rambler.ru

Анатолий Прокопьевич Чудинов

профессор кафедры русского языка

Уральский государственный педагогический университет

.620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. ap_chudinov@mail.ru

В статье дана характеристика лингвистической советологии как направлению в зарубежных исследованиях Советского Союза. Выделены основные этапы развития лингвистической советологии, ее ведущие направления, охарактеризованы аспекты изучения советской политической коммуникации и методы исследования, которые использовали советологи.

Ключевые слова: лингвистическая советология; Советский Союз; политическая коммуникация; этапы развития советологии.

Президент В.В.Путин, выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года, говорил о необходимости «упразднить советологию», поскольку «СССР уже нет, а советология до сих пор существует». Далее президент пояснил, что он имеет в виду такую науку, которая была чрезмерно политизирована и служила «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» (www.kremlin.ru). Несмотря на то, что рассматриваемое высказывание В.В.Путина воспринимается как шутливое, целесообразно максимально точно определить, что такое советология, охарактеризовать ее границы, выявить ее основные разделы и этапы развития. Это, с одной стороны, позволит лучше понять, от чего именно следует без сожаления отказаться, а с другой – даст возможность выделить то, что необходимо сохранять и совершенствовать.

Изучение лингвистической советологии поможет полнее понять то, как воспринимается политическая система Советского Союза за рубежом, какие аспекты советской политической коммуникации вызывают максимальное неприятие. Одновременно изуче-

ние лингвистической советологии поможет отчетливее воспринимать общие закономерности политической коммуникации и специфику советской пропаганды и агитации, полнее оценивать выступления политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием. Наконец, изучение истории лингвистической советологии даст возможность яснее увидеть особенности отдельных советологических школ и направлений, охарактеризовать различия в восприятии советской политической коммуникации, которые всегда существовали в рамках американской и западноевропейской советологии.

Как известно, иногда «взгляд со стороны», «внешний аудит» позволяет точнее зафиксировать проблемы и дать более объективные оценки. С другой стороны, видимо, настало время оценить и саму советологию, чтобы понять, насколько точен и объективен был этот «внешний аудит» и в какой мере имеет смысл пользоваться его результатами. Очевидно, что свобода от советской цензуры далеко не всегда означает абсолютную творческую свободу и независимость от каких-либо проявлений идеологического контроля.

Следует учитывать, что в самых разных странах политическая позиция, противоречащая государственной идеологии и политике, может негативно сказаться на профессиональной карьере ученого, затруднит получение им грантов, премий, наград и иных знаков материального и общественного признания, создаст трудности для публикации результатов научных исследований и даже осложнит общение с коллегами и студентами. Атмосфера холодной войны, идеологические и культурные различия в значительной степени влияли и на развитии советологии.

Несколько перефразируя мольеровского Журдена, можно сказать, что первые советологи не знали, что они занимаются именно советологией, а предполагали, что они пишут о русской революции и советском государстве, о революционном коммунистическом дискурсе. В зарубежной науке и публицистике термин «советология» (sovietology) получил широкое распространение в середине прошлого века для обозначения научного направления, посвященного изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза [Малия 1997]. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 г. в лондонском еженедельнике "Observer". В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. Как показывает специальный исторический обзор [Меньковский [http](http://)], на рубеже 1950-60-х гг. американские основоположники изучения СССР все еще отвергали название «sovietology» и отдавали предпочтение более традиционным обозначениям «изучение русского региона», исследование Советского Союза, анализ теории и практики большевизма (коммунизма). Но постепенно отношение к рассматриваемому термину начинает изменяться. А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что «советология – ужасное слово, но как можно его не использовать?». К такой позиции был близок и С. Коэн, для которого «советология – неэлегантное, но полезное слово». Постепенно термин сделался общеупотребительным и перестал восприниматься как «ужасный» или «неэлегантный» неологизм.

В зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали (и часто до сих пор используют) с уничижительными определениями, как эмоционально окрашенное обозначение необъективного, неквалифицированного и неискреннего подхода к описанию советской реальности.

В близком значении иногда использовался термин «кремлинология» (kremlinology), внутренняя форма которого подчеркивала повышенный интерес соответствующих специалистов к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле. Поэтому кремлинология нередко определяется как исследование дискурса высших советских (а теперь и российских) политических руководителей.

Вместе с тем следует отметить, что *советология* и *кремлинология* – это еще и обозначения соперничающих научных направлений. Классические советологи акцентировали эвристичность своих методов и достоверность прогнозов, тогда как кремлинологи подчеркивали, что их внимание к деталям приносит весьма существенные результаты. Например, советологи Гарвардской и Чикагской научных школ скептически относились к «кремлинологам», сосредоточившим внимание на мельчайших изменениях в языке, поведении, образе жизни «хозяина Кремля» и его ближайшего окружения. Так, «гарвардцы» считали поспешными выводы кремлинолога М. Раша [Rush 1958], указывавшего на становлении «культы Хрущева» на основании того, что в газете «Правда» от 1955 г. привычную подпись «первый секретарь» вдруг написали с заглавных букв («Первый Секретарь»), а в речи Хрущева обнаружились «типичные словечки Сталина». Кремлинологи же любят вспоминать, как они, уделявшие пристальное внимание протокольности коммунистической элиты, обратили внимание на то, что как-то в Большом театре среди большевистских лидеров не оказалось Лаврентия Берии, и сделали вывод о его смещении. Скептики говорили о том, что, может быть, Берия не любит балета, но через несколько дней Берия был объявлен предателем [Bell 1958].

В вышедшем в постсоветский период исследовании этапов развития рассматриваемого научного направления М. Малиа представляет советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология» [Малиа 1997]. Несмотря на позднее «терминологическое оформление» рассматриваемых исследований под наименованием «советология», точкой отсчета для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и СССР, потому что первые советологические исследования появляются сразу после возникновения советского государства.

По мере накопления материала и дифференциации научных интересов появились политическая, экономическая, социологическая, юридическая и иные виды советологии. Поэтому термин «советология» в настоящее время воспринимается как «зонтичный», как общее наименование целого ряда относительно автономных научных направлений.

В комплексе советологических направлений важное место занимает лингвистическая советология, предметом исследования которой служат языковая политика в СССР, особенности советского тоталитарного дискурса и дискурса диссидентов («языковое сопротивление», по терминологии А. Вежбицкой), специфика функционирования, взаимодействия и эволюции языков народов Советского Союза.

Важно подчеркнуть, что советологи активно занимаются двумя сферами политической коммуникации. Первая из них – это официальная политическая коммуникация в Советском Союзе (соответствующий ей вариант языка нередко определяют как советский «новояз», «бюрократический» язык, «тоталитарный» язык, «официоз», «казенный» язык, «деревянный» язык и др.). Использование этой формы коммуникации нередко воспринималось как своего рода способ проявления лояльности к властным структурам и в то же время как признак лингвистической и идеологической ограниченности, как показатель несоответствия западным представлениям об искренности, свободе и справедливости.

Вторая сфера постоянного внимания советологов – это коммуникативная практика диссидентов, «эзопов язык» и иные формы языкового сопротивления (при их характеристике используют термины «антитоталитарный» язык, «сокровенный» язык, «подпольный» язык, «антисоветский» язык, лексика неравенства и др.). Использование такой формы коммуникации служило своего рода знаком несогласия с официальной идеологией, неприятия коммунистических ценностей и оппозиционности к существующей в СССР политической системе.

Многие специалисты отмечают, что существование подобной политической диглоссии – яркая отличительная черта тоталитарного дискурса. В связи с этим Анна Вежбицка пишет: «Официальный тоталитарный язык часто порождает свою противоположность – подпольный антитоталитарный язык. И хотя он тоже представляет собой чрезвычайно интересный для изучения объект, до сих пор ему уделялось мало внимания – значительно меньше, чем тоталитарному языку» [Вежбицка 1993: 107]. Необходимо добавить, что последнее замечание относится преимущественно к публикациям, принадлежащим к ранним этапам развития лингвистической советологии, тогда как в последние десятилетия существования Советского Союза язык отечественных диссидентов постоянно привлекал внимание зарубежных исследователей.

Отчетливое разграничение между «двумя языками» провел М.Геллер, разделивший русский язык (*langue russe*) и советский язык (*langue soviétique*) [Heller 1979]. Сходную позицию занял Томас Венцлова, выделивший два русских субъязыка (*sub-languages*) – собственно русский и советский русский, который создает определенную идеологическую модель мира для всех, кто на нем говорит [Venclova 1980: 249]. В книге А. и Т. Фесенко советский язык определяется как русский язык, испорченный коммунистами [Фесенко 1955]; подобные взгляды характерны и для многих других эмигрантов из России. По мнению Джона Дана [Dunn 1995], соотношение между «обычным» и «политическим» языком в Советском Союзе во многом напоминает различия между русским и церковно-

славянским в Великом княжестве Московском,

Об особенностях официального советского языка и языковом сопротивлении, о политической диглоссии в СССР пишут и многие другие зарубежные специалисты (Р.Андерсон, Д.Вайс, Дж.Данн, П.Серио, В.Заславский, И.Земцов, А.Инкелес, Б.Корми, Н.Лейтес, П.Серио, Д.Стоун, М.Фабрис и др.), но большинство лингвистов предпочитают все-таки говорить не об особом языке или даже субъязыке, а о вариантах языка, о лексике и фразеологии сопротивления, о лексике неравенства, об официальном и антиофициальном стиле и т.п.

Можно заметить, что симпатии абсолютного большинства западных специалистов были на стороне диссидентов: практически нет публикаций, в которых коммуникативная практика «сопротивляющихся» оценивалась бы негативно, хотя очевидно, что степень косноязычия или же риторического мастерства мало зависит от политических воззрений.

При характеристике официальной советской коммуникации одни советологи подчеркнута избегали каких-либо оценок, тогда как другие высказывались об этой форме коммуникации крайне негативно, причем отрицательное отношение к политическому режиму нередко едва ли не автоматически переносилось на оценку речевого мастерства соответствующих авторов. Между тем очевидно, что среди советских политиков и журналистов было немало по-настоящему талантливых людей, мастерски владеющих словом.

Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «межнационального общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти. Поэтому в настоящем издании рассматриваются только публикации, в которых говорится о политической коммуникации, осуществляемой на русском языке. Вместе с тем вполне возможно, что со временем будет подготовлено исследование политической коммуникации, которая осуществлялась на иных «советских» языках.

Лингвистическая советология как направление зарубежной политической лингвистики и вместе с тем как направление науки о русском языке до настоящего времени еще не была предметом монографического изучения. Между тем такое исследование полезно, во-первых, для более полного понимания общей истории советологии, во-вторых – в качестве важной части истории русского литературного языка, а в-третьих – в рамках общей теории коммуникативистики и изучения тоталитарного дискурса.

Необходимость такой работы связана также с тем, что восприятие Советского Союза и постсоветской России за рубежом много десятилетий основывалось преимущественно на основе публикаций советологов. Показательно, что многие американские и – в меньшей степени – западноевропейские советологи занимали важные государственные должности и оказывали конкретное влияние на взаимоотношения этих государств с Советским Союзом и Россией.

В соответствии со сложившейся традицией к числу советологических не относились исследования не только специалистов из Советского Союза, но и ученых, работавших в странах, входивших в состав «социалистического лагеря». Западные советологи считали, что их восточные коллеги несвободны в своем научном творчестве, а поэтому соответствующие исследования не могут восприниматься как объективные. Очевидно, что ученые из Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии действительно работали в других условиях и многие их публикации в той или иной мере подвергались цензуре и самоцензуре (хотя в этих странах эпизодически публиковались и откровенно антисоветские работы). В настоящем обзоре данные исследования не рассматриваются среди собственно советологических, но это, разумеется, не означает недооценки соответствующих публикаций. Видимо, изучение истории «восточноевропейской советологии» может стать автономным направлением научных исследований.

Сложным является вопрос о том, целесообразно ли включать в состав советологических публикации эмигрантов из Советского Союза и других стран Варшавского договора

(Р.Якобсон, А.Вежбицка, И.Земцов, А.Фесенко, Т.Фесенко и др.). Представляется, что при решении этого вопроса следует учитывать не столько этническое происхождение, сколько профессиональную компетентность. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать подобные публикации в общем континууме советологии, хотя учитываем, что возможна и иная точка зрения, особенно если речь идет о зрелых специалистах, которые выросли в условиях социализма и по различным причинам оказались в западных странах. Здесь важно учитывать, что первоначально советология во многом формировалась эмигрантами. Они прекрасно знали русский язык и владели «из первых рук» информацией, недоступной для большинства западных ученых.

Советология в той или иной форме развивалась преимущественно в странах Западной Европы и Северной Америки. Поэтому в принципе возможно рассмотрение теории и практики советологии с региональных позиций, то есть автономно рассматривать североамериканскую, британскую, немецкую и французскую советологию. Каждый из этих национальных дискурсов имеет существенные особенности, но все вместе они все-таки воспринимаются как единое целое.

Достаточно перспективным представляется и автономное исследование официального советского дискурса и дискурса антисоветского, форм языкового сопротивления. Следует, однако, учитывать, что антисоветский дискурс был своего рода продолжением и отражением дискурса советского, что два эти дискурса тесно взаимосвязаны.

Можно представить себе исследование, основанное на классификации методов, которые используют те или иные советологи (риторический анализ, лексико-стилистические и лексико-грамматические методики, концептуальные исследования, критический анализ дискурса и др.). Однако представляется, что в советологических «штудиях» методология не занимает определяющего места. Нетрудно заметить, что советологи, как правило, не создавали собственной методологии, а использовали те приемы исследования, которые были уже апробированы при рассмотрении политиче-

ской коммуникации, происходящей в других политических условиях.

Наиболее оптимальным при рассмотрении лингвистической советологии является хронологический принцип, который позволяет выделить основные этапы становления и развития советологии, полнее увидеть специфику этих этапов и вместе с тем не препятствует внимательному рассмотрению советологии в иных аспектах, в том числе детальному учету национальных особенностей, используемых методов и рассматриваемых вариантов коммуникации, выявлению аспектов изучения советского политического дискурса. Представляется, что подобное исследование способно также помочь полнее охарактеризовать и общие свойства политической коммуникации.

История лингвистической советологии еще ждет своего полного описания, а поэтому пока не выделены хотя бы основные этапы ее развития. Однако ясно, что при ее периодизации невозможно в полной мере опереться ни на политическую историю Советского Союза, ни на историческую стилистику русского языка (историю русского литературного языка советского периода), ни на историю политической советологии.

Важно иметь в виду, что распространенное мнение о возникновении советологии в середине XX в. неверно в отношении лингвистической ее составляющей. Редкие энтузиасты (в основном из эмигрантов) брались за изучение политологических, экономических, социологических аспектов советской действительности, потому что получить достаточные для исследования данные было очень непросто: с 1930-х гг. чуть ли не единственным источником сведений о СССР была официальная советская пресса. То, что являлось препятствием для представителей общественных наук, несколько не мешало лингвистам и специалистам по коммуникации. Советский политический дискурс не только был доступен, но и активно «экспортировался» в виде международной коммунистической пропаганды, поэтому неудивительно, что уже в первые годы после Октябрьской революции за рубежом проводились и публиковались исследования, посвященные советскому политическому языку. Более того, было бы наивно полагать, что

лингвистическая советология возникла в одночасье и на пустом месте. Российская революция 1917 г. стала импульсом к становлению лингвистической советологии, но эта область исследований опиралась на то, что уже было наработано в рамках исследования России, академический интерес к которой оформился в Соединенных Штатах еще на рубеже XIX-XX вв., а в зарубежной Европе – значительно раньше.

В настоящем издании при рассмотрении истории лингвистической советологии выделены пять основных этапов ее развития.

Первый из них – этап становления – относится к периоду с 1918 года до конца второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. В европейской политической лингвистике этого времени используются преимущественно общелингвистические методы и приемы исследования, тогда как на американском континенте преобладают исследования, выполненные в рамках общей теории коммуникации, социологии и политологии.

Второй этап приходится на период холодной войны, когда идеологическое противостояние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Вместе с тем именно на этом этапе советология полностью сформировалась как научное направление, в котором использовались самые современные для того времени научные методы (контент-анализ, квантитативная семантика, риторическое исследование текста, структурные методы, анкетирование и др.). В этот период европейская советология испытывала максимальное идейное и методологическое воздействие с американской стороны. Это воздействие проявлялось не только в идейно-политической гегемонии, но в том, какие методы и приемы использовались при изуче-

нии теории и практики коммуникации в Советском Союзе.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения отчасти миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. В эти годы арсенал советологии пополняется новыми методами и приемами (критический анализ дискурса, когнитивные исследования, психолингвистический эксперимент, психоанализ, дискурсивные методики и др.). Именно в этот период европейская советология активно использовала методы и приемы исследования, характерные именно для европейской науки, в том числе для французской школы анализа дискурса, для континентальной (Германия, Нидерланды, Австрия) школы критического дискурса-анализа. В период разрядки между американскими и европейскими специалистами обнаружилось и существенные идеологические различия в оценке советского политического дискурса.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России. В эти годы активизируются сопоставительные исследования, начинается изучение роли концептуальных метафор в политическом дискурсе, постоянно обсуждаются новые политические термины (*перестройка, гласность, ускорение*) и особенности использования традиционных политических терминов (*правые, левые, демократизация, свобода* и др.), активно изучаются особенности индивидуальных стилей политических лидеров (особенно М.С.Горбачева). Различия между советской и западной политической коммуникацией в этот период часто воспринимались как временные, что нередко приводило к недооценке российских традиций и специфики политической коммуникации в нашей стране.

Пятую группу составляют исследования современного (с 1992 года) российского политического языка, которые, по-видимому, уже выходят за рамки советологии. В последние годы они нередко обозначаются зарубежными и отечественными специалистами как относящиеся к лингвистической «*постсоветологии*» (post-sovietology). Возможно, этот термин воспринимается как не вполне удачный, но его внутренняя форма хорошо отражает направленность соответствующих исследований: исследуется дискурс, который, во-первых, установился *после* советского, а во-вторых – сохранил многие *свойства советского* дискурса.

Можно предполагать, что лингвистическая постсоветология со временем, в результате последовательной утраты признаков советского дискурса, перерастет в исследование российской политической коммуникации, что может получить и терминологическое закрепление в виде термина (например, возможно обозначение «лингвополитическое россиеведение»).

Шестую группу из числа рассматриваемых в настоящей статье составляют исследования, которые можно отнести к сфере *лингвистической парасоветологии*. Речь идет, в частности, о публикациях, которые были подготовлены в странах, идеологически близких Советскому Союзу, и испытали на себе значительное влияние коммунистической идеологии. Дело в том, что традиционно к числу «подлинных» советологов относили только специалистов, которые работали в западных (в другой терминологии – «свободных») странах и могли позволить себе критику советского дискурса. К сфере парасоветологии относятся и исследования, направленные на выявление специфики политической коммуникации в союзных республиках, которые позднее стали самостоятельными государствами. В эту же сферу входят работы, посвященные коммунистическому дискурсу за пределами СССР и тоталитарному дискурсу в целом.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и

советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди сохраняли те или иные связи со своими прежними работодателями.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Отметим также, что в США и иных западных странах некоторых советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой и иными соответствующими организациями. Не секрет, что ученому в США (особенно в эпоху маккартизма) беспристрастно интересоваться СССР было настолько же небезопасно, насколько советскому исследователю проявлять непредвзятый интерес к Западу. С похожими проблемами сталкивались и западноевропейские ученые. Как отмечает Л.Франк, британские ученые, владевшие русским языком, боялись заниматься чрезвычайно политизированной советской проблематикой, предпочитая интересоваться

темами, в которых они могли спокойно оставаться на почве научной объективности (например, размерами в ранней русской силлабо-тонической поэзии или немецкими переводами Антиоха Кантемира) [Frank 1965: 55]. Показательно, что одни и те же публикации нередко рассматривались на Западе как зараженные бациллами коммунизма, а в Советском Союзе – как грубые антисоветские пасквилы.

Подозрения в симпатиях к Советскому Союзу могли негативно сказаться на академической карьере ученого и его материальном положении, поэтому не следует думать, что западные специалисты, изучающие Советский Союз, всегда были абсолютно свободными, искренними и беспристрастными.

Если в Советском Союзе все советологи представлялись шарлатанами, то после распада СССР маятник сильно качнулся в другую сторону. Методологический плюрализм и возможность знакомиться с некогда недоступными исследованиями сыграли свою положительную роль, вместе с тем мнение советологов нередко стали рассматривать как истину в последней инстанции, в то время как, по мнению самих советологов, их наука вступила в полосу самого сильного за всю свою историю кризиса.

В целом рассмотренный в настоящей статье материал позволяет сделать следующие выводы.

1. В истории лингвистической советологии целесообразно различать следующие этапы:

– этап становления лингвистической советологии (1918 – 1945 гг.);

– этап развития лингвистической советологии в годы холодной войны (1946 – 1964 гг.);

– этап эволюции лингвистической советологии в период разрядки (1965 – 1984);

– заключительный этап существования лингвистической советологии в период демонтажа социалистической системы и перехода к рыночной экономике (после 1984 г.).

Основанием для выделения названных этапов служит не только общая периодизация истории Советского Союза в ее взаимосвязи с историей отношений СССР и внешнего (преимущественно враждебного) мира, но закономерности развития самой лингвис-

тической советологии в ее взаимосвязи с общей советологией.

Названные этапы развития советологии отличаются по используемым методам научного исследования, по приоритетным аспектам рассмотрения политической коммуникации, по характеру взаимодействия американской и западноевропейской лингвистической советологии, по интенциям авторов, стремившихся в меру своего понимания соответствовать запросам общества и государства.

Отдельную группу составляют *постсоветологические* исследования, направленные на изучение политической коммуникации в период после распада Советского Союза, на описание процессов преобразования советского политического дискурса в постсоветский политический дискурс.

С советологическими и постсоветологическими исследованиями тесно связана *парасоветология*, ориентированная на изучение общих закономерностей коммунистического и тоталитарного дискурса, а также закономерностей их исторических преобразований в различных регионах мира.

2. Важно дифференцировать этапы эволюции советологии (а также постсоветологии и парасоветологии) и периоды развития советской политической коммуникации, к которым обращено исследование. Так, публикация, написанная в начале нашего века о языке В.И.Ленина, будут относиться уже к числу постсоветологических исследований.

В центре внимания значительной части советологических исследований было «недавнее прошлое», коммуникативную ситуацию и ее описание разделял очень небольшой промежуток времени (например, Джон Рид в 1918 году опубликовал книгу о русской революции 1917 года).

Значительно реже авторы обращаются к относительно отдаленным этапам развития советской политической коммуникации (так, созданное в конце XX века исследование Даниэля Вайса [Вайс 2007] посвящено сопоставлению нацистского и сталинистского дискурса, то есть коммуникативной ситуации полувековой давности).

Однако чаще всего исследования советологов давали характеристику «расширенного настоящего», то есть анализировали существующие в данный исторический момент ус-

ловия политической коммуникации. Например, языковой дискурс перестройки максимально активно изучался именно в годы, когда страной руководил М.С.Горбачев. Такое распределение интересов исследователей вполне закономерно: советология в XX веке была не столько академической наукой, сколько своего рода теоретическим ориентиром для зарубежных политических активистов и журналистов. Соответственно советологи стремились писать о том, что особенно интересно их читателям в данный исторический момент.

При “хронологической” (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные досоветскому, советскому и постсоветскому периодам развития русского политического языка.

При рассмотрении политического языка новейшего времени специалисты приходят к выводу, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубо-просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток необязательных заимствований), но именно она и определяла те качества “советского” языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других – некоторую ностальгию.

3. Советская политическая коммуникация рассматривается в исследованиях американских и западноевропейских советологов в различных аспектах.

Многие исследователи стремились дать общую характеристику советской (и – шире – тоталитарной) политической коммуникации, выделить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию.

Особенно часто внимание исследователей привлекают лексика и фразеология советского языка, поскольку изменения в лексике, фразеологии и лексической стилистике наиболее заметны. Каждый новый поворот в ис-

торическом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы.

В рамках грамматических исследований чаще всего отмечается обилие сложносокращенных слов и аббревиатур; значительный интерес представляет анализ номинализаций (П.Серио).

Значительная часть исследований посвящена сопоставлению или автономному исследованию «дискурса власти» и «дискурса сопротивления». Специалисты выяснили, что на смену диглоссии, характерной для советского общества, в котором отчетливо разграничивались тоталитарный язык и языковое сопротивление, пришла «стилистическая полифония», в которой отчетливо противопоставлены три варианта: язык власти, язык демократической оппозиции и язык прокоммунистической оппозиции.

Большое количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров политического языка – ораторская практика политических лидеров, медийный вариант политического языка, партийные и государственные документы, листовки и лозунги. В постсоветологических исследованиях отмечается постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала политической коммуникации.

Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам наиболее известных политических лидеров: И.В.Сталина, Н.С.Хрущева, Л.И.Брежнева, М.С.Горбачева, Б.Н.Ельцина, В.В.Путина. Многие авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что и в советское время речевая практика высших руководителей государства была максимально индивидуализированной и отличалась значительной свободой. Положение о характерных для советского языка стандартности и отсутствии личностного начала, видимо, относится только к речевой практике рядовых функционеров.

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т.А. ван Дейку и Р.Водак) прояв-

лений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие специалисты отмечают повышенную агрессивность советской политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.).

В самостоятельную группу имеет смысл выделить исследования, направленные на изучение прагматики советской политической коммуникации: эффективности советской политической пропаганды, методики агитационной работы, лингвистических и концептуальных средств убеждения, используемых в советских СМИ.

Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать “свое” и “чужое”, случайное и закономерное, “общечеловеческое” и свойственное только тому или другому национальному дискурсу.

4. Лингвистическая советология, в отличие от других направлений науки, не выработала собственной методологии, но активно использовала методы и приемы, характерные для соответствующего этапа развития базисных наук – лингвистики, политологии, психологии, социологии и др.

Многообразие используемых методов и методик обогащает лингвистическую советологию: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, использующих иной научный аппарат.

Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации, совмещаются критический, нормативный и описательный аспекты исследования, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития политической коммуникации.

5. Американская и западноевропейская лингвистическая советология, несомненно, представляют собой единое научное направ-

ление, но в то же время при внимательном изучении в работах американских и западноевропейских советологов обнаруживаются и некоторые различия.

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что до середины прошлого века европейские специалисты обращаются преимущественно к изучению изменений в системе языка, обусловленных революцией и новым политическим режимом. Соответственно американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, активно обращаются к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации.

6. Сопоставление советского политического дискурса и политической коммуникации в западных государствах показывает, что некоторые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для политической коммуникации демократических стран. Очень далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевающих идеалы свободы, гнусным недалеким лжецам, которые сознательно обманывают народ и заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, характерным для людей, которые находились как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

Критика традиционной советологии в значительной степени связана с тем, что многие зарубежные «советологи» оказались не в силах обнаружить какие-либо достоинства в советском политическом языке. Читая подобные исследования, иногда невозможно понять, почему коммунистическая пропаганда добилась столь впечатляющих успехов во всем мире, чем можно объяснить чрезвычайную прагматическую эффективность советской политической коммуникации. Враждебность к коммунистической идеологии у некоторых советологов оборачивалась неприятием и острой критикой едва ли не всех аспектов соответствующей политической

коммуникации и даже собственно языковых инноваций.

Остается надеяться, что в будущем как российские, так и зарубежные исследователи советского политического дискурса смогут объединить усилия и дать объективную характеристику лингвистических причин успехов и поражений советской пропаганды. По-прежнему остается актуальной задача разграничения общих закономерностей политической коммуникации, специфики тоталитарного дискурса и особенностей политической коммуникации в Советском Союзе. Значительные перспективы имеют сопоставление современного политического языка с политическим языком эпохи тоталитаризма и исследования постсоветской истории развития отечественного лингвополитического дискурса. Но это будет уже совершенно новый этап развития политической лингвистики, когда на смену лингвистической постсоветологии придет наука, посвященная российской политической коммуникации в условиях политической свободы и демократии.

¹Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Список литературы

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 98-105.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 34-52.

Малия М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 77-83.

Меньковский В. Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук [Электронный документ]. Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm>

Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.

Bell D. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences // World Politics. 1958. Vol. 10. S. 44-76.

Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Basingstoke: Macmillan Press, 1999. S. 13-23.

Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies / ed. by W.Laqueur, L.Labedz. Cambridge, MA, 1965.

Heller M. Langue russe et langue soviétique // Recherches. 1979. № 39. S. 25-43.

Rush M. The Rise of Khrushchev. Washington, 1958.

Venclova T. Two Russian sub-languages and Russian ethnic identity // Ethnic Russia in the URSS. The dilemma of dominance / ed. E. Allen. New York: Pergamon Press, 1980. S. 57-63.

THE SPLENDOUR AND MISERY OF LINGUISTIC SOVIETOLOGY

Edward V. Budaev

Assistant Professor of Foreign Languages Department
Nizhni Tagil State Social-Pedagogical Academy

Anatolij P. Chudinov

Professor of Russian Languages Department
Ural State Pedagogical University

The article deals with linguistic sovietology as a scholarly trend. The paper delineates main stages in the evolution of linguistic sovietology and reviews its leading schools. It also analyses the variety of aspects and methodologies of research into soviet political communication.

Keywords: linguistic sovietology; para-sovietology; political discourse; totalitarian discourse; history of science.